

Митрополит Иларион: Сочетание традиций церковной и светской музыки интересно и плодотворно

4 июля 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал композитор, народный артист Российской Федерации Алексей Рыбников.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы будем говорить о рок-музыке, о классической и о духовной музыке. У меня в гостях – композитор, народный артист Российской Федерации Алексей Рыбников. Здравствуйте, Алексей Львович!

А. Рыбников: Здравствуйте, владыка!

Разговор о музыке хочется начать с истории человечества, с того момента, когда Создатель изгнал Адама и Еву из рая. Адам и Ева были в мире абсолютного света – в раю, а когда они были изгнаны на землю, то оказались в мире, в котором есть и свет, и тьма, и добро, и зло. И вот с этого момента добро и зло, свет и тьма борются как внутри человеческой души, так и между людьми происходит эта борьба.

В искусстве, в творчестве и в философии этой борьбе посвящено очень много произведений. И музыка не является исключением, ведь, насколько мы знаем, в симфонических произведениях есть образы света, тьмы, и они борются. Есть в симфонических произведениях экспозиция, партия-разработка, где происходит эта борьба, есть кульминация, то есть симфоническая форма как раз соответствует этому процессу света и тьмы.

В современном мире появилось такое понятие как рок-музыка. Рок-музыка для меня, безусловно, это силы тьмы. Пусть меня простят рок-музыканты, но это – агрессия, энергия достаточно тяжелая для меня. Это проекция тьмы в нашем мире.

Духовная, хоровая музыка в православной традиции неслучайно не допускает участие музыкальных инструментов в богослужении, потому что голос является нерукотворным инструментом, созданным Господом Богом. Все остальные инструменты созданы человеком, поэтому в православном богослужении звучит только хоровая музыка. И для меня это воплощение

абсолютного света.

Сочетание рок-музыки и духовной музыки, которое я применял в своих произведениях, это борьба света и тьмы, в результате которой, конечно же, побеждает свет. Ведь если в произведениях свет не побеждает – это разрушает душу.

Митрополит Иларион: Вы очень интересно развили эту тему, от экспозиции сразу перейдя к разработке.

Не так давно мы открывали памятник нашему великому композитору Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. В этом году исполняется 40 лет со дня его смерти. Мы все чувствуем себя в каком-то смысле его наследниками. То, что Вы говорите о столкновении сил света и тьмы в музыкальном искусстве, конечно, в полной мере относится и к его творчеству. Причем эта тема у него преломлялась очень по-разному. Это и столкновение между фашистскими полчищами и советскими войсками, которое красочно изображено в его 7-ой «Ленинградской» симфонии, это и противостояние жизни и смерти, раскрытое в его 14-й симфонии, в его поздних произведениях. И, конечно, из поколения в поколение передается этот колоссальный внутренний заряд, который несет его музыка. Я думаю, что неслучайно после Чайковского Шостакович – самый исполняемый русский композитор во всем мире.

Если обратиться к теме, которую мы заявили в качестве основной и о которой Вы так хорошо и ёмко сказали, то было странно, если бы композитор ругал рок-музыку, а священнослужитель ее защищал. Тем не менее, я считаю своим долгом сказать несколько слов в защиту рок-музыки, конечно, не во всех ее проявлениях, а только в некоторых.

Вспомним начало 70-х годов, когда появилась рок-опера «Иисус Христос – суперзвезда». Я помню, какое сильное впечатление производила тогда эта музыка на молодежь. Конечно, у нас, в Советском Союзе, такая музыка была запрещена, но на магнитофонных лентах, на кассетах ее все равно слушали. Эти кассеты передавались из рук в руки. Сама музыка и весь сюжет этой рок-оперы выполняли миссионерскую роль: для многих людей, которые имели представление об Иисусе Христе только из антирелигиозной литературы или, в лучшем случае, из «Мастера и Маргариты» Булгакова, через эту замечательную, с моей точки зрения, музыку, в которой сочетаются и традиции классической музыки, и элементы рок-музыки, совершенно по-новому открывался образ Богочеловека.

В своем творчестве Вы тоже сочетаете эти элементы, то есть назвав рок-музыку злом, Вы тем не менее ее используете. Вы являетесь автором первого русского мюзикла «Юнона и Авось». И именно в этом качестве Вас знает вся страна, потому что эта музыка сохраняет свою свежесть,

популярность. Я думаю, что способность композитора впитывать и усваивать разные традиции, переплавлять их в горниле своей собственной внутренней жизни, может очистить и рок-музыку от того "первородного греха", о котором Вы только что сказали.

А. Рыбников: Для меня в опере «Иисус Христос – суперзвезда» рок-музыка тоже может быть разделена. Там есть замечательное мелодическое начало и ритмическое. Ритм никогда не даст нам абсолютного света. Он всегда будет держать нас в напряжении.

Может быть, в этом мире и нельзя расслабляться. Я не говорю, что рок-музыка не нужна. Она служит контрастом. Если бы ее не было, наверное, было бы очень скучно, и не получилось бы правдиво отразить наш мир, в котором должны обязательно сталкиваться свет и тьма, добро и зло.

Абсолютный свет возможен и должен быть только в храме. Как мы ни будем стараться, но хоровой музыкой абсолютное зло изобразить невозможно, так же, как невозможно в рок-музыке изобразить абсолютный свет. Но вот их смесь представляет главный интерес для публики и аудитории.

Митрополит Иларион: Многие утверждают, что в Православной Церкви нет инструментальной музыки. Но в Православной Церкви есть колокольный звон. Конечно, он созывает людей на богослужение, и, в каком-то смысле, не является частью богослужения. С другой стороны, он является интегральной частью богослужения, потому что звучит не только перед службой, но зачастую и во время нее. Вы находитесь в храме: поет хор, священник читает молитву, и вдруг Вы слышите чисто инструментальную музыку – колокольный звон. И утверждение, что Православная Церковь принципиально изгнала инструментальную музыку из богослужения, на мой взгляд, является несколько преувеличенным.

С другой стороны, конечно, колокола исполняют определенную функцию. Изначально они не мыслились как музыкальный инструмент. Но со временем искусство колокольного звона, особенно на Руси, развилось таким образом, что люди специально ездили слушать искусство звонарей. Я даже помню, что в советское время продавалась пластинка «Ростовские звоны».

А. Рыбников: Да, безусловно. Я скорее имел в виду органную музыку или какое другое звучание, скажем, когда в хорошо известных «Страстях» – по Матфею, по Иоанну – Иоганна Себастьяна Баха предполагается звучание оркестра.

В настоящее время я заканчиваю произведение, которое называется «Тишайшие молитвы». Я настолько увлечен хоровой музыкой, что ничего другого, честно говоря, слушать не хочу. В этом произведении для четырех хоров нет даже колоколов. Это абсолютное посвящение хоровому

искусству.

Митрополит Иларион: То есть это произведение для четырех хоров а cappella?

А. Рыбников: Для четырех хоров а cappella и компьютера, потому что четыре хора должны звучать синхронно, одновременно, и четыре дирижера, которые будут ими управлять, без компьютера не справятся. Иначе все рассинхронизируется и будет звучать неодновременно.

Митрополит Иларион: А когда премьера сочинения?

А. Рыбников: Сначала мы его записываем. Кстати, записываем сейчас с Синодальным хором, с Государственной капеллой имени Юрлова, с другими хорами. Я надеюсь, что к Новому году, к Рождеству произведение можно будет уже исполнить.

Митрополит Иларион: На протяжении многих лет я внимательно слежу за Вашим творчеством. Думаю, что в какой-то степени Вы проходите эволюцию, похожую на ту, которую проходили некоторые великие композиторы: они начинали с яркой инструментальной музыки, популярной для своего времени (так, например, начинал Верди), и впоследствии, через много лет, уже став прославленными мастерами именно в этой области, обращались к хоровой музыке.

Здесь можно вспомнить и Чайковского с его «Литургией» и «Всенощным бдением». Можно вспомнить и того же Верди с его поздними сочинениями и с его, конечно же, «Реквиемом». Можно вспомнить и Брамса с его «Немецким реквиемом»... Большая сокровищница хоровой духовной музыки, будь то для хора без сопровождения или для хора с сопровождением оркестра, собрана в том числе благодаря тем произведениям, которые принадлежат великим светским композиторам.

Церковь, воспитывая такое отношение к культуре, и на протяжении веков развивая хоровое пение, предоставляла, особенно в последние века, большое пространство для композиторов. Сочетание традиций церковной и светской музыки, на мой взгляд, интересно и весьма плодотворно. Когда церковная музыка выходит на концертную сцену, опять же, она несет в себе большой потенциал и мощный миссионерский заряд.

А. Рыбников: Вы знаете, мы могли в этом убедиться на примере Ваших произведений, потому что именно после воздействия духовной музыки на аудиторию, многие могут и уверовать, и пойти в храм. Ваши духовные сочинения, которые сейчас, слава Богу, так часто исполняются, выполняют очень важную миссионерскую задачу, ибо их огромная роль в привлечении людей к Церкви.

Безусловно, это эволюция в моем творчестве, ведь я много работал и в кино, писал много для

детей, потом захватила симфоническая музыка, ее сочетание с рок-музыкой, а теперь какое-то ощущение, просто необходимое для души, возможное для меня только через хоровую музыку. Поэтому я так увлеченно над этим и работаю.

Митрополит Иларион: Я очень рад слышать, что Вы с таким интересом относитесь к церковной музыке. Для Вас это, конечно, не внешний интерес, потому что Вы – православный верующий человек, и Вы живете этой музыкой, в том числе переживая ее через богослужение.

К сожалению, у нас случалось не раз, что к церковной музыке обращались люди, которые не имели духовного опыта и не чувствовали эту музыку изнутри Церкви. Они воспринимали какие-то внешние элементы и на этих элементах конструировали свою музыку. Такая музыка не только не прижилась в церковном обиходе, но она и для светского уха звучит неестественно, потому что каждое музыкальное произведение должно быть насыщено смыслом, произрастать изнутри некой традиции. Человек не может воспроизвести эту традицию, не являясь при этом ее частью. Поэтому для композитора, который берется за создание духовно-музыкальных сочинений, основанных на конкретной христианской традиции, очень важно самому быть причастным к этой традиции.

А. Рыбников: Да. Написание музыки для богослужения пока является абсолютно недоступным для меня. Вы правильно сказали, что для того, чтобы ее написать, нужно в какой-то степени перестать быть композитором, потому что композитор хочет написать музыку красивую, которая сама по себе интересна. Но если музыка будет чересчур отвлекать от богослужения, от молитвы, то она перестанет выполнять свою функцию в храме. Поэтому написать музыку для богослужения очень сложно, и для этого нужно свою творческую гордыню, которая волей-неволей возникает у каждого пишущего человека, смирить, перестать увлекаться самим собой, своим творчеством и думать только о богослужении. Пока у меня это не получается.

Митрополит Иларион: Я надеюсь, что у Вас и это получится, как получилось многое другое. Хотелось бы напомнить о примере наших великих композиторов, того же Чайковского и Рахманинова, которым удалось написать очень красивую музыку, и она, несмотря на свою сложность, может звучать и за богослужением. Я это ощущаю ежегодно в храме, в котором служу, когда у нас в формате богослужения исполняются «Всенощная» Рахманинова и «Литургия» Чайковского. Да, в этих произведениях есть своя сложность, определенный элемент, может быть, какой-то самодостаточности, почему они часто звучат и на концертах. Но, с другой стороны, оба этих композитора удивительно тонко, каждый по-своему, прочувствовали нашу церковную традицию. Причем в музыке Рахманинова есть подлинные духовные прозрения. Есть такой момент в Литургии, Вы знаете, когда хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа и когда весь храм замирает в молитве, священник замирает у престола – в «Литургии» Рахманинова этот сакральный опыт совершенно удивительно выражен в песнопении, когда поверх хора звучит ангельский

детский голос. Должен сказать уже не как музыкант, а как священнослужитель, что когда это произведение звучит на Литургии, это не только не мешает, а наоборот, очень помогает молитве.

А. Рыбников: Да. Это редкие удивительные примеры. У меня было глубокое проникновение в душу от церковного пения, когда я был на Святой Горе Афон, где греческие монахи пели безумно сложные мелодии. Им казалось, что они импровизировали, что это свободный полет их творческой фантазии, но они пели в унисон, очень много человек. Это значит, что эта сложная мелодика у них в крови. Они умеют так петь. Тут уже не думаешь ни о чем. Важно, что у тебя в душе возникает это необыкновенное состояние какого-то просветления, благодати. Наверное, это и есть главное, чего может достичь музыка в храме.

Митрополит Иларион: Спасибо Вам, Алексей Львович, что были гостем нашей передачи. Я хотел бы пожелать Вам творческих успехов, здоровья, долголетия, а также поздравить с наступающим юбилеем, который Вы будете отмечать этим летом.

А. Рыбников: Благодарю от всей души! Я тоже в свою очередь желаю Вам творческих успехов. Мы ждем Ваших новых произведений.

Митрополит Иларион: Спасибо, Алексей Львович.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/50286/>